

УДК 340

***СВОБОДА СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ИНАКОМЫСЛИЯ
В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Рассматриваются ограничения политической свободы слова в России первой трети XIX в. с акцентом на правовом регулировании таких ограничений. Анализируются соответствующие нормативно-правовые акты, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что инакомыслие в рассматриваемый период не имело возможностей своего проявления в российском обществе, поскольку для абсолютистской власти было категорически неприемлемо наличие социально-политических взглядов, предусматривавших другие, чем абсолютная власть монарха, формы государственного правления. С этой целью издавались цензурные уставы, вводилась уголовная ответственность, в том числе по известным «двум пунктам». В результате политическая свобода в России стала реальностью значительно позже, чем в других европейских странах.

Ключевые слова: инакомыслие, цензурный устав, свобода слова, свод законов уголовных, государство, указ.

***FREEDOM OF SPEECH IN THE CONTEXT OF DISSENT
IN RUSSIA IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY
(LEGAL ASPECT)***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Resume: The limitations of political freedom of speech in Russia in the first third of the 19th century are considered. with an emphasis on the legal regulation of such restrictions. The relevant legal acts, scientific works on the stated topic are analyzed. It is noted that dissent in the period under review did not have the possibility of its manifestation in Russian society - for the absolutist power it was categorically unacceptable to have socio-political views that provided for forms of state government other than the absolute power of the monarch. For this purpose, censorship charters were issued, criminal liability was introduced, including on the well-known "two points". As a result, political freedom in Russia became a reality much later than in other European countries.

Key words: dissent, censorship charter, freedom of speech, code of criminal laws, state, decree.

Свобода слова как социально-политическая ценность - с точки зрения инакомыслия - стала формироваться в России в конце XVIII в. и связывается прежде всего с А.Н. Радищевым и его сочинением «Путешествие из Петербурга в Москву», где он обезличенно подвергал критике существующий политической строй в виде абсолютизма. Несмотря на то, что тираж этой книги был небольшой, и российское общество, за малым исключением, по сути, так и не узнало о ней, то есть даже при отсутствии общественного резонанса и, само собой разумеется, отсутствии каких-либо призывов к изменению политического строя, Радищев, который как госслужащий был лоялен власти, по указанию императрицы был приговорен к смертной казни, «милостиво» заменой ею же ссылкой. В дальнейшем государство стало совершенствовать законодательство, позволявшее пресекать и репрессировать лиц, которые в своих публикациях, речах, разговорах высказывали суждения, так или иначе не согласные с официальной позицией власти по поводу статуса действующей власти и вообще установленных в государстве порядков. Этот процесс активно осуществлялся в первой трети XIX в., что связывается также с известной систематизацией рос-

сийского законодательства.

Так, в 1804 г. был принят Устав о цензуре [1], где имелись нормы административного характера, позволявшие на ранних стадиях предупреждать проявление какого-либо инакомыслия внутри страны и проникновение в Россию иностранных печатных книг, журналов и газет и ограничивая тем самым свободу слова в стране. Этим актом цензоры обязывались все книги и сочинения просматривать перед публикацией, и если обнаруживалась, что они противны Закону Божьему, установленному порядку правления, нравственности и личной чести граждан, то такие сочинения следовало не допускать к обнародованию. В организационном плане институт цензура перешел в ведение Министерства народного просвещения, по указанию которого при университетах создавались цензурные комитеты. Периодическая печать, поступающая из-за рубежа, проверялась на почте [2, с. 126]. В литературе отмечается, что, хотя этот Устав внешне был «мягким» с точки зрения строгости цензурных правил, однако содержал немало правовых норм, которые можно было при «нужном» толковании применять против авторов и в целом Устав стал «орудием для ограничения писателей и издателей» [3, с. 51]. В дальнейшем институт цензуры подвергался изменениям, в частности, Морской департамент обрел полномочия самостоятельно проверять издаваемые департаментом книги, такое же полномочие получила Медико-хирургическая академия, а с 1809 г. на губернаторов был возложен надзор за издаваемыми в губерниях печатными работами; Министерство полиции также получила свои права в этом деле.

Особенно строго цензурировались печатные работы из-за границы - иностранное «вольнодумство», по выражению цензора А.И. Красовского, было ничем иным как «смердящее гноище, распространяющее «душегубительную зловонь» [4, с. 81]. Известный французский путешественник Кюстин писал, что «лгать здесь - значит охранять престол, говорить правду - значит потрясать основы» [5, с. 114]. В 1818 г. цензура получила новое предписание: обо всем, что касается правящих структур России, литераторы могут писать только по согла-

сованию с этими структурами. Например, в начале 1820 г. действующий министр просвещения князь А.Н. Голицын, недовольный некоторыми статьями в издании «Дух журналов», отписал Президенту академии и будущему министру просвещения С.С. Уварову следующее: «ныне вновь оказалось в № 17 и 18 сего журнала явное порицание монархического правления таким образом, что приметно без наималейшего сомнения постоянное направление издания сего действовать в противном видам и интересам правительства, что ни в каких землях терпимо и допускаемо быть не может ... Вследствие сего издание “Духа журналов” с 1821 г. необходимо прекратить» [6, с. 75].

После смерти Александра I такая практика жесткого администрирования цензуры была продолжена и усилена. Так, в 1826 г. был принят новый Цензурный устав [7], где, отличие от прежнего акта, подробно раскрывался характер, способы и методы цензуры разных типов печатных произведений. Этот закон был призван защищать «народную честь» и в целом все государство от вредных «буйствований века», для чего цензор мог запретить любое сочинение, выискав в нем несуществующие, скрытые намеки и двусмыслицы, не разрешалось ничего говорить против существующего общественно-государственного строя ни «прямо», ни «косвенно», под контроль были поставлены сочинения по всемирной и отечественной истории, которые не должны были заключать в себе произвольных толкований [8, с. 82]. Среди населения этот Устав нередко называли «чугунным» (тяжелым прессом придавил печать) [6, с. 79]. Был учрежден Верховный цензурный комитет, на должности цензоров правительство стало привлекать писателей и ученых, деятельность которых имела общественное значение, стремясь получить поддержку своей политики от общественности [2, с. 127].

Данный устав (1826 г.), просуществовал недолго – он не учитывал многие организационные изменения в структуре центральных органов управления и в целом и, по мнению власти, излишне препятствовал административным органам вмешиваться в издательские дела, в связи с чем был утвержден Цензурный

устав 1828 г. [9], в котором внутренняя и иностранная цензуры были соединены вместе под руководством министра народного просвещения. Вместо Верховного цензурного комитета при Министерстве народного просвещения было создано Главное управление цензуры. Теперь цензорам требовалось обращать особое внимание не только на «букву», но и на «дух» цензурируемого произведения [10, с. 112]. Устав 1828 г. характерен еще и тем, что окончательно ввел в обязательную систему вмешательство административных ведомств в дела цензуры, было взято за правило любыми мерами оградить Россию от «тлетворного» влияния Запада [11, с. 172]. В ряду административных мер по ограничению свободы слова в рассматриваемый период следует назвать и решение о запрете масонских обществ в соответствующем указе [12]; в этом акте говорилось, в частности: «Беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах от существования разных тайных обществ, из коих иные под наименованием лож масонских, первоначально цель благотворения имевших, другие занимаясь сокровенно предметами политическими, впоследствии обратились ко вреду спокойствия государств и принудили в некоторых сии тайные общества запретить» [12]. В этой связи следует отметить, что с масонскими ложами были связаны декабристы.

Помимо административных мер, российский законодатель в рассматриваемый период серьезным образом совершенствовал уголовно-правовые меры в области печатания и распространения запрещенных изданий. Такие меры оформлялись в виде соответствующих составов преступлений против государства. В этой связи следует отметить, что крайние проявления инакомыслия (как, например, у декабристов) как раз и представляли такие преступления. Следует сразу отметить, что правовое регулирование ответственности за совершение государственных преступлений подверглось непринципиальным изменениям со времен Соборного уложения 1649 г. и Артикула воинского 1715г. [13], и соответствующие нормы в итоге были систематизированы, и в рамках изданного в 1832 г. Свода законов Российской империи в т. 15 были

включены как Книга I в Свод законов уголовных [14], представлявший собой по сути систематизированный уголовный закон (в дальнейшем систематизация уголовного права пошла дальше и завершилась изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 г.). В Своде законов уголовных (состоял из 765 статей) впервые были выделены Общая и Особенная части уголовного права, в том числе дается понятие преступления, указываются формы вины и т.д., и в целом этот акт представлял собой огромный шаг вперед в развитии российского уголовного права [15, с. 34].

Но суть составов преступлений против государства не изменилась. Для примера остановимся на некоторых актах петровской эпохи, перешедших в Свод законов уголовных. Так, в Указе Сенату от 23 декабря 1713 г. Петр I потребовал «объявить всенародно: ежели кто напишет или скажет за собою Государево слово или дело и те б люди писали и сказывали в таких делех, которые касаютца о их государском здоровье и к высокомонаршеской чести, или уведав какой бунт и измену» [16, л. 2]. Затем в указе от 25 января 1715 г. перечень дел по важнейшим государственным преступлениям был сужен до трех «пунктов»: «1. О каком злом умысле против персоны Его величества или измене. 2. О возмущении или бунте. 3. О похищении казны». Если человек сказал «слово и дело» по первому пункту (варианты: «Знает он по первому пункту», «Имеет слово против первого пункта», «Доносит ис первого пункта» [17, л. 109]), то это означало, что он имеет информацию о покушении на государя или об измене ему. По «второму пункту» надлежало хватать всех бунтовщиков и заговорщиков. Доношения «по третьему пункту» из-за слишком большего их числа и злоупотребления доносителей несколько позже был отменен.

Законодатель первоначально обобщил такого рода в Артикуле воинском 1715 г. Так, в арт. 20 Артикула воинского предусмотрено политическое преступление в виде оскорбления царя, осуждения его действий или намерений в разного рода разговорах (о письменных документах такого рода в то время не было и ерчи): «Кто против его величества особы хулительными словами по-

грешит, его действие и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен». В дальнейшем в течение XVIII в. указания на «пункты» находили свое развитие. Так, в апреле 1730 г. был издан Указ, где предписывалось: «ежели кто за кем подлинно увидит великое дело, которое состоит в первых двух пунктах, то есть: 1) О каком злом умысле против Персоны Нашей, или измене. 2) О возмущении или бунте, тем доносить не только не запрещено, но если подлинно кто докажет, тем за правый донос милость и награждение обещано; а которые станут за собой сказывать такое великое дело, затеяв ложно, таким чинено жестокое наказание ... Объявляется, в какой силе состоят первые два пункта ... 1) Пункт: если кто каким умыслом начнет мыслить на Наше Императорское здоровье злое дело, или Персону и честь Нашего Величества, злыми и вредительными словами поносить. 2) О бунте или измене, это разумеется буде кто за кем подлинно уведает бунт или измену против Нас, или Государства» [18]. По этим двум пунктам надлежало «без боязни» доносить властям. Составы «пунктов» здесь раскрываются подробнее.

В Своде законов уголовных 1832 г. эти составы преступлений против государства были включены в Раздел III «О преступлениях Государственных по первым двум пунктам (ст. 214-228)». Тем самым, если иметь в виду совокупность административных и уголовно-правовых мер, государственная власть в первой трети XIX в. ставила жесткий запрет на какое-либо проявление инакомыслия в России, и расправа над декабристами является наглядным тому подтверждением. Но история развивается по объективным законам. Цивилизационные изменения, навеянные буржуазными революциями Нового времени, включая провозглашение свободы слова, дошли и до России, хотя и с задержкой почти на столетие.

Библиографический список

1. Устав о цензуре от 09.07. 1804 г. // ПСЗ-1. № 21388.

2. Безгласная О.А. Проявление инакомыслия в первой трети XIX в. и меры государственного принуждения по его подавлению: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 217 с.
3. Дыскина Т.Л. Политика русского правительства в области печати до Цензурного устава 1804 года // Сборник научных трудов НЮИ МВД РФ. Нижний Новгород, 1999. Выпуск 5. С. 49–58.
4. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994. 110 с. С. 81.
5. Астольф де Кюстин. Николаевская Россия в 1839 г. М., 1990. С. 114.
6. Жирков Г.В. История цензуры XIX-XX вв. М., 2001. С. 75.
7. Цензурный устав от 10 .06. 1826 г. // Русская журналистика в документах. История надзора. М., 2003. С.110-114.
8. Розенберг В.А. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 82.
9. Цензурный устав от 22.04. 1828 г. // Русская журналистика в документах. История надзора. М., 2003. С. 115-132..04.
10. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892. С. 29; Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825–1904. М., 1962. С. 112.
11. Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. С. 172.
12. Указ от 01.08. 1822 г. «Об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 479.
13. Рябченко А.Г., Руденко К.И. Политика Московского государства в сфере уголовного судопроизводства во второй половине XV–XVII вв. // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 26-30.
14. Свод законов уголовных // Свод законов Российской империи. СПб., 1833. Т. 15.
15. Рожнов А.А. Институт наказания в Своде законов уголовных Россий-

ской империи 1832 года // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата 2018. № 1 (48). С. 30-34.

16. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 194.

17. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 266.

18. Указ от 10.04. 1730 г. «О доносах по первым двум пунктам» // ПСЗ-I. № 5528.

Оригинальность 78%